

ПРОИЗВОДСТВО НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО ТЕКСТА У СТАНИСЛАВА ЛЕМА

Богатырева Е.Д.

Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С.П. Королёва, кафедра философии, доцент

Станислав Лем интересует нас здесь как автор литературных апокрифов. В статье проводится мысль, что Лем не только переосмысливает жанр предисловия и критического обзора, но и тестирует положение самого литературного произведения в современной культуре. Это заставляет писателя внимательно отнестись к состоянию мира, выбору позиции писателя, должно ли активно участвовать в изменениях или им сопротивляться. Вопрос об онтологии литературного текста, его теории переопределяется здесь в предложение для читателя опробовать особый режим чтения, в котором предстоит решить, насколько серьёзно следует относиться ко всему, что здесь производится как сообщение, а комментарий несуществующей речи мог бы восприниматься как имеющий отношение к миру литературы, науки, современных культурных практик.

Ключевые слова: литературный апокриф, игра, мнимая величина текста.

PRODUCTION OF NON-EXISTING TEXT BY STANISLAV LEM

Bogatyreva E.D.

Samara University,
Department of Philosophy, Associate Professor

Stanislav Lem interests us here as the author of the literary apocrypha. The article suggests that Lem not only reinterprets the genre of the foreword and critical review, but also tests the position of the literary work itself in modern culture. This forces the writer to carefully consider the state of the world, the choice of the position, whether we should actively participate in its changes or resist them. The question of the ontology of a literary text, its theory is redefined here into a proposal for the reader to try out a special reading mode, in which it is necessary to decide how seriously everything that is produced here as a message should be taken, and a commentary on non-existent speech could be perceived as related to the world of literature, science, modern cultural practices.

Key words: literary apocrypha, play, imaginary value of the text.

Станислав Лем интересует нас здесь как автор литературного «апокрифа» – экспериментаторских произведений, написанных в качестве рецензии на несуществующие фантастические книги, как в сборнике «Абсолютная пустота» (1971), или в виде предисловий также к несуществующим произведениям, как в сборнике «Мнимая величина» (1973). Апокриф имитирует подлинность, в предисловии к «Абсолютной пустоте» писателем разыгрывается и одновременно объясняется предстоящее представление – даётся комментарий «антологии критических опытов» некоего «Лема», указывается на уже существующие литературные прецеденты как на момент легитимации подобного занятия («Рецензирование несуществующих книг не есть изобретение Лема; примеры можно найти не только у современного писателя – Х.Л. Борхеса (скажем, "Анализ творчества Герберта Куэйна" в сборнике "Хитросплетения"), идея гораздо старше – и даже Рабле был не первым, кто ее воплотил») [1, с. 8]. Здесь же формируется ожидание читателя, формулируется задача критики вымышленного (несуществующего) текста как «возможность вновь обрести свободу творчества, а заодно – совершить обручение двух неродственных душ, беллетриста и критика» [1, с. 8]. «Мнимая величина»

начинается с близкого по игровому духу рассуждения о проблеме автономии предисловия («Искусство писания предисловий давно уже требует прав гражданства» [1, с. 223]). В перечень функций литературных предисловий до Лема входило следующее: быть обещанием, долговым обязательством, знаком участия, мандатом доверия, охранной грамотой, пропуском в большой мир, напутствием из влиятельных уст и пр. Но важно зафиксировать, что царство Предисловий способно выходить за рамки Литературы: рекламные захваливания, лгушие прямо в глаза, дополняются гласами в пустыне, подобно Иоанну Крестителю или Роджеру Бэкону [1, с. 225]. (Один, как известно, был предтечей Христа, алхимия второго предваряла возникновение современной химии.) Опять же, «тезисы и футуромагии учёных, подобно Писаниям всяческих вер, суть Предисловия – к Этому и Тому свету». Помимо предисловий к творениям допустимы творения-предисловия [1, с. 225].

Замысел «скромной антологии Освобождённых Вступлений», как и прочих мистификаций, должен предвещать то, что литература только пытается воплотить, возникает в творчестве Лема как результат литературно-философского переосмысления «утопического периода». Разочаровавшись в жанре научной фантастики, польский писатель «с начала 1970-х годов занимался преимущественно литературными экспериментами и вопросами на границе литературы, философии и футурологии» [3, с. 62]. Дело не в разработке какого-то нового вида фантастики, но в попытке проявить значение и порядок действия литературы в современной культуре. Поэтому данные тексты скорее встраиваются в общий процесс размышления о теории литературы, искусства и состоянии современного мира, что находим в многочисленных статьях и книгах писателя, в таких работах, как «Сумма технологии», «Философия случая», «Футурология и фантастика». Собственно, литературные апокрифы по своей реализации, как нам кажется, близки опытам «общей теории всего», намеченным в этих книгах, играя на затруднениях обособления своего объекта и, соответственно, разработки теории литературного произведения. В «Философии случая» это выражено следующим образом: «Литература относится к таким сферам человеческой деятельности, исследование которых является одновременно и маргинальным, и необъятным, потому что теория литературы тесно связана с биологией и затем с психологией автора и читателя, с их же социологией, с теорией организации и информации, с эстетикой, теорией познания, культурной антропологией и так далее» [2, с. 6].

Польский писатель отдаёт дань упорядочивающему подходу, тот позволяет смоделировать отношения литературного произведения как системы знаков с тем, что можно назвать литературным видом, внутри которого оно прежде всего «обитает». При этом на каком-то определенном его уровне и вместе с видом оно существует в плоскости литературного «типа» прежде чем, уже вместе с «литературой в целом», находит себе место в среде данной культуры. «Моделью таких отношений, видимо, могут служить куклы-матрёшки, сидящие одна в другой. Однако фиксация литературного произведения внутри классификации есть только упорядочивающий подход, который сам по себе для нас ещё ничего не проясняет» [2, с. 579]. Как критик и комментатор несуществующего текста Лем ставит под вопрос такую фиксацию. Любая аккредитация литературного продукта в системе уже сложившегося значения будет для него не окончательной и даже произвольной, поскольку, представая как известное, литература утрачивает статус творения. Для автора «Абсолютной пустоты» и «Мнимой величины» очевидно, что произведение работает на рынке читательских восприятий на основе случайных флуктуаций.

В центре внимания Станислава Лема оказывается сам способ существования литературного произведения. Ему известно, что альтернативами философского инструментария при оценке такого способа выступали нормативная метафизика или экспериментальная эмпирия. «Метафизику» Лем закрывает вопросом, насколько разговор об онтологическом статусе литературного произведения правомерен, если предполагается

его локализация в мире платоновых идей, или в «чистом сознании». Это потребовало бы стабилизации как его значения, так и понятия литературы в целом, но литературные факты свидетельствуют о противоположном. «Эмпирию» писатель соотносит с вопросом, существует ли произведение таким же «способом, как существуют предметы, или же скорее процессы, либо оно (произведение) в данном плане напоминает сложные машины или, скажем, эмбриогенез» [2, с. 25]. Эмпирически в литературном произведении невозможно выделить никакой фундаментальной структуры: «У него есть своё прекрасное видимое “гистологическое строение”: строки печатных букв или их полностью зафиксированный на страницах книги порядок, навеки незыблемый и недвижимый. И вместе с тем литературное произведение представляет объект странный, потому что любой его анализ неокончателен и не может устранить чего-то неуловимого и неопределённого» [2, с. 9].

Полезно исходить из фактического состояния литературы, которое Лем описывает следующим образом: «произведение сталкивает лбами множество противоречивых толкований, каждое из которых поддается аргументации в свойственном для него порядке», «произведение не является, собственно говоря, логическим трактатом и потому в своей смысловой неразрешимости представляется нам чарующей загадкой», «произведение может быть одновременно расположено в порядке естественном и сверхъестественном, оно может быть серьёзным и ироничным, а ещё фантастичным, аллегоричным и поэтичным». Странность состоит в том, что «структура литературного произведения выявляется в качестве сложной функции связей, протянувшихся между текстом и воспринимающим субъектом. Поскольку эти связи меняются, меняется и “внутренняя структура” литературного произведения» [2, с. 28].

Обсуждение Лемом в «Философии случая» объективности литературы переходило в утверждение невозможности литературной теории, особенно в отношении нового, то есть там, где стабилизации восприятия ещё не произошло: «Да и существует ли объективный метод исследования того, что само объективно не существует? Кажется, да. Существуют же принципы, не приуроченные ни к одной отдельной отрасли эмпирических наук, но эффективно используемые во всех. Принципы эти могут относиться к любым компонентам, в том числе и не обязательно “субстанциональным”». Потому что “материал”, из которого состоит объект исследования, в целом не представляет интереса с точки зрения применения этих принципов» [2, с. 26]. Вопрос: что это решает в случае литературы? Не здесь ли зреет шаг к тому, чтобы сделать принципом исследования мистификацию того, что представляется бесформенным, не проявленным и даже порой бессмысленным, того, чему ещё должно быть присвоено имя литературы и что способно обозначить какую-то новую её «судьбу»? И Лем этот шаг делает в своих литературных апокрифах, предъявляя всю неоднозначность осуществления литературного произведения, «неслиянность и неразрывность» генерирующих его источников и планов (не)существования.

Но если «литературная мистификация» оказывается не только средством, но и целью, не только проявляя изначальное через его расположенность в небытии, но и отвечая существу литературного занятия, то возможно разное решение последнего, здесь разыгрываются партии, автор же свободен в создании повода, жанра и вида обмана. Новоявленный рецензент несуществующего текста избирает стратегию, совмещающую в себе рассказ и умолчание, которая не только тестирует возможности автономии всякой объективной позиции по отношению к тому, что производится в качестве вымысла, но и иронически её атакует. Так «воображаемое величие» (буквальный перевод названия книги, известной российскому читателю как «Мнимая величина») несуществующего текста – это не оценка, но шутка, открывающая перспективу переопределения нового литературного труда. В эпоху уравнивания любой информации, равно как и её размножения и переизбытка, литература находит эквивалент Молчания (этого единственного, по мнению автора предисловия, Ковчега Завета и Союза Читателя и Творца) в написании

своих бесчисленных предисловий без всего остального, уведомляя читателя о грехах, от которых лучше воздержаться [1, с. 225].

Сама ситуация рефлексии вымышленных книг позволяет быть более свободным в выборе жестикюляции. Автор таковых – Лем – не пройдёт мимо «пародии, подражания и передразнивания», в его оптику попадут тексты, в свою очередь высмеивающие «Nouveau Roman», а также черновые наброски, тексты, наглядно реализующие «тоску по невоплотимому», как в книгах «Культура как ошибка» (Kultura jako błąd / Die Kultur als Fehler), «О невозможности жизни; О невозможности прогнозирования» (De Impossibilitate Vitae; De Impossibilitate Prognoscendi), «Новая Космогония» (Nowa Kosmogonia). В «Мнимой величине» добавятся такие поводы, как предисловие к несуществующему фотоальбому, содержащему изображения порнографических сюжетов, снятых с использованием рентгеновских лучей вместо видимого света; предисловие к несуществующему научному труду, описывающему серию экспериментов над штаммами бактерий, которые оказались способны генерировать тексты и предсказывать будущее; предисловие к осуществляемому только как предисловие труду по истории литературы, написанной компьютерами; рекламный проспект к несуществующей энциклопедии нового типа, содержащей статьи о будущих событиях; предисловие к мнимому сборнику стенограмм, бесед людей с суперкомпьютером Голем-XIV, обладающим искусственным интеллектом, а также лекции Голема-XIV «О человеке тройко» и «О себе». То, что ранее осуществлялось по поводу какой-то данности литературы, теперь ввергает читающего в небытие пред-существования и тем самым извлекает его сразу из всех существований и миров, показывая фикциональность и открытость самих этих миров странному, актуализируя любой ход (не только в литературу) в качестве предисловия, гарантирующего то, что дальше ничего не будет.

Текст не может не выступать «антропологической» величиной, он должен как-то представлять собой и то, что его сгенерировало. Позиция описания несуществующего становится здесь аффирмацией равно писательского и критического метода, который призван не только вскрыть строение данного литературного произведения, но и внедриться в него. Станиславу Лему интересны не психология, но метод, не осуществление возможностей интерпретации текста, но действие. В своих апокрифах Лем ничего не иллюстрирует, включая известные теории, он разрабатывает методологию (или осуществляет магию открытия?) того, что ещё не существует, но уже и не ничто, методологию, которая имманентна тому, что «отвечает» самым радикальным порядкам вымысла и обречено на поиск нового сообщения с читателем, обретающим здесь «бытие до Сотворения». Не только персонажи, но и не только литературные тексты, Лем сам как автор и рассказчик, артикулируемый в качестве вероятного автора рецензий и предисловий, проходит через игольное ушко вымысла приписываемых ему слов и своего исчезновения в том, что их и его как автора предваряло. Опосредуя повествование молчанием «писателя Лема», всё, что образует планы производства несуществующего текста, предстаёт уже не как описание какого-то положения вещей (в мире и в литературе), но как обещание спасения там, где «Искусство, подобно Универсуму, взрывается в пустоте, не встречая сопротивления, а значит, точки опоры» [1, с. 227].

Важно заметить, что материалом мистификации у польского писателя становится всё, что только возможно (положение дел в искусстве таково, что «всераскованность творчества стала его кошмаром, проклятием, бегством»). Модификация литературного материала, в который попадают фабула, сюжет, композиция, система персонажей, прочие «состояния» литературы, оборачивается движением вспять и опустошением. Мистификация апокрифа, по-видимому, актуализирует не только стационарную, когда мы ждём от литературного произведения изображения правдоподобных ситуаций, но и «селективную информацию», которая вовсе не озабочена реальным положением вещей, требует статистическую базу для распределения артикуляционных вероятностей изображения (как удивительного, странного, или, наоборот, частого, усреднённого).

Режим производства несуществующего текста, как наблюдаем у Лема, может коррелировать с каким-то отбором материала, заставляя искать его референта (можно ли говорить здесь о содержании и форме?). Но главная задача его критики – апробировать «стилистику» несуществующего как момента проявления процессуальной фактологии (коммуникативной онтологии) литературного текста. Лему очевидно, что литературу отличает невозможность идти против закона эволюции формы, которой управляет общий процесс перемен («Искусство не может ни стоять на одном месте, ни повторять себя до бесконечности», «не может только лишь нравиться» [1, с. 226]). Но там, где мы находим произведения, сильно отклоняющиеся от современных им литературно-культурных стереотипов, неважно, в чём это выражается, в записи или каких-то ещё способах его существования, там мы имеем дело не только с радикальным изменением «внутренней структуры» литературного произведения, но и с его способами бытования в культуре [2, с. 28]. Собственно, «связи» внутреннего и внешнего здесь могут вовсе не поддаваться просчёту и управлению. Они тоже радикализуются, под вопросом может оказаться и сама структура взаимодействия. Как движение некоторой среды текст не может быть закреплён в качестве стационарного объекта теории, в произведении его литературного (на)значения, безусловно, будет замешан случай.

Станислав Лем подводит нас к пониманию случая как фактора, изменяющего «на раннем этапе направление любого эволюционного процесса, когда возникающая система приобретает собственно системные свойства», добавим, которые могут быть не заметны в том материале, который её порождает. Случая, обеспечивающего новый порядок невозможного как эквивалента возникновения, причём не только литературы, но и всего мира. Предъявляя и пародируя (умножая) процессуальность того, правила чего неизвестны (ещё и потому, что их ещё или уже нет), абсолютная пустота отличает уже новые мировые события. Свою позицию польский писатель манифестирует следующим образом: «Нет ничего более важного, чем попытаться понять, куда наш мир движется и должны ли мы этому сопротивляться, или, принимая это движение, активно в нём участвовать» [3, с. 63]. Для повествователя апокрифа «Мнимая величина», к примеру, очевидно, что новое как осуществление возможности, которая гонит уже нас в Незнаемое и реализует свободу, понятую как осознанная необходимость, само по себе ничего не искушает.

Случай Лем понимает соответственно значению, придаваемому этой категории эмпирией, исследующей стохастические и эргодические процессы. Сам путь развития очень больших и сложных систем включает литературу как случайный фактор, тем не менее влияющий на общий культурогенез. Рассмотренные в такой перспективе отношения, литературные апокрифы Лема – это тексты, которые, вполне возможно, рассчитывают «случайно» изменить направление не только литературной эволюции. Преодолевая окостенение межжанровых барьеров (леча «парадигматический склероз»), с одной стороны, с другой – включая игровой ход в то, что уже не предустановлено как литературная норма, предисловия без всего остального продуцируют, тем не менее, свой выход к мировому читателю (это становится отчасти же и требованием). Разумеется, читателя не может не характеризовать определённое ожидание от книги, которую он выбирает для чтения. Другое дело, что «в связях литературного произведения с культурными смыслами всегда обнаруживается неустранимый остаток индетерминизма». И этот остаток разыгрывается как новый режим отношения к тексту, требующий его свободного разыгрывания, впрочем, последнее есть такое состояние текста, которое совмещает в себе стратегию игры в осуществление литературой и фокус её отмены [2, с. 579].

Режим отношения, когда под последним мы понимаем взаимную связь разных величин, предметов, действий, обозначает себя там, где письмо предъявляет своё прямое назначение – выступать записью человеческой памяти, служить различению и связи вещей, независимо от их близости-дальности, и быть путеводителем по реальности, как

бы та ни понималась. Все эти функции собирают для читателя «тело» текста в качестве репрезентирующей состояние мира и его предметов информации. Не перестают они работать и там, где мы находим не самые благоприятные условия для стабилизации восприятия, когда его настигает информационный потоп, а бесконечность альтернатив блокирует саму возможность различения информации. Безусловно, это сказывается на точности человеческого прогноза, да и самой типологизации явления («Миллиарды смыслов, сталкиваясь, не славу приносят мысли, но гибель»), но не отменяет характер сборки и назначение текста. Проблема текстологии открывается не только как проблема доверия к записи, как проблема определения текста в качестве носителя информации, хотя здесь мы уже оказываемся перед некоторой величиной сообщения, которая предъясвляет себя, по Лему, как мнимая, требует своего объяснения. В мире, где приходится терпеть всё новое как категорически предписанное, открытое по дороге в неопределённое уже «туда» (хотя, по ощущению, может у Лема определяться как всё ещё «ввысь») [1, с. 225-226], текст не может не брать на себя функции ассистента по переводу и переходу читателя в новый режим сообщения и мысли, новое состояние чтения, потребует следовать его инструкциям. И в число таковых входят правила странной игры в невозможное, у Лема – мистификация производства несуществующего текста, указывающего на какой-то ещё, и вынужденное молчание его самого как автора. Игра фикциональна и дегенеративна, она осуществляет, но и отменяет то, что здесь случается как попытки записи его мнимой речи.

Список литературы

1. Лем С. Библиотека XXI века: сб.: пер. с пол. М.: АСТ, 2005. 602,[6] с.
2. Лем С. Философия случая; пер. с пол. Б.А. Старостина. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Граниткнига, 2005. 767, [1] с.
3. Язневич В.И. Станислав Лем. Мн.: Книжный дом, 2014. 448 с.

ПАРАДОКСЫ УРБАНИЗАЦИИ В ЗЕРКАЛЕ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Голубков С.А.

Самарский национальный исследовательский университет

имени академика С.П. Королева,

кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, профессор

В статье дается обзор тех психологических, социокультурных проблем, парадоксальных ситуаций и противоречий, которые неизбежно порождает бурный процесс глобальной урбанизации. Речь идет о том, что эти проблемы интересуют писателей-фантастов, занимающихся на страницах своих книг футурологическими прогнозами. Писатели рассматривают город как целостную искусственную среду, которая будет развиваться либо в союзе, либо в конфликте со средой естественной, природной. Попытки создать идеальный город либо как архитектурный проект, либо как романский образ чаще всего оказывались тщетными, приводили к очередному утопическому решению. Город как квинтэссенция технологических возможностей оборачивался машиной тотального контроля. Писатели-фантасты пользовались языком современных мифологем, средствами символического абстрагирования. Человек в фантастических произведениях становится пленником города-машины, заложником городской логистики, избыточного прессинга коммунальности, тотализации мира изменчивых вещей. Человек в этой системе сам становится вещью, монофункциональным модулем, что ведет к редукции Личностного. Коммуникационные возможности Интернета сделали возможным